

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 070.1(571.54)

КОНТЕКСТНАЯ СТРУКТУРА ДИСКУРСА: ОТ ПОВСЕДНЕВНОСТИ К КУЛЬТУРЕ

© *Сибиданов Баир Борисович*

кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики и рекламы Бурятского государственного университета.
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: sibibair@mail.ru

Исследуется контекстная структура дискурса. В центре внимания – взаимодействие тематического, социально-исторического и культурологического контекстов. Тематический контекст рассматривается как совокупность предшествующих дискурсов на определенную тему. Социально-исторический контекст связан с воздействием глобальных социальных факторов. Культурологический контекст основан на моделировании общественных взаимоотношений по теме.

Ключевые слова: интердискурс, диахронная структура контекста, тематический контекст, социально-исторический контекст, культурологический контекст.

DISCOURSE CONTEXT STRUCTURE: FROM DAILY ROUTINE TO CULTURE

Bair B. Sibidanov

PhD in History, A/Professor of the Department of journalism and advertising, Buryat State University.
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The author researches discourse context structure and interaction between the thematic, socio- historical and cultural context. Thematic context is viewed as a set of previous publications on a particular topic. The socio-historical context is associated with the impact of global social factors. Cultural context is based on modeling of public relationships on the subject.

Keywords: inter-discourse, context structure, thematic context, the socio-historical context, cultural context.

Человек, едва родившись, входит в пространство дискурса, в котором различные типы речевого поведения переплетаются, взаимодействия переплетаются, взаимодействуют друг с другом, предлагая индивиду включиться в их игру. Но это постоянное становление и развитие речевой стихии никогда не появля-

ется из небытия. Традиция играет огромную роль в функционировании любого вербального типа. Правда, выявить и продемонстрировать ее реальность в тексте бывает достаточно сложно. И все же незримое присутствие традиции имеется всегда. И конечно, ее необходимо искать в контекстном поле. Теория французского дискурс-анализа утверждает эту связь с помощью категории интердискурса: «Дискурс всегда соотносился с “уже сказанным” и “уже услышанным”. Все исследования преконала <...> показывали присутствие в любом дискурсе следов дискурсных элементов предшествующих дискурсов, субъекты которых забыты». Эти исследования сформировали идею о том, что дискурс состоит из элементов уже существующих; таким образом они сформировали понятие интердискурса, «материальная объективность которого заключается в том, что “оно говорит” всегда “до, вне и независимо”» [1, с. 45].

Однако, поле интердискурса, определяемое французами как «дискурсное и идеологическое пространство» [1], в некотором смысле играет роль платформы разворачивания контекста, имеющего значение для функционирования того или иного речевого типа. В самом же дискурсе роль контекста выполняет интертекст, или прецедентный текст. По тонкому наблюдению Н. А. Кузьминой, эти две категории не стоит смешивать, поскольку первое связано с культурными образцами (идеальными текстами – произведениями), второе – всего лишь содержится в медиопамати современников и в следующую речевую эпоху может легко быть передано забвению [2].

Какова же диахронная структура контекста? Где завершается обыденный контекст и начинается культурологический? Несложно видеть, что последний залегает глубоко: тот же интертекст функционирует как часть культурологического контекста, формирующегося не только за счет заимствования «культурных образцов» современными авторами для своих вербальных высказываний. Его пространство, создавая интердискурс, оказывается шире и глубже: очевидно, его величину и значение для вербального поведения современника переоценить сложно. Осколки былых дискурсов, из которых складываются тела современных речевых типов, есть всего лишь формальное присутствие вербальной традиции. Сама платформа лежит глубже этого остаточного ковра забытых речей. Она – в моделях и поведенческих стереотипах, которые незримым кукловодом управляют человеком и его вербальным поведением в том числе.

Однако рассмотрим данную проблему на примере СМИ. Материал медиа удобен в этом отношении: как правило, в текстах публикаций охватываются практически все темы, которые волнуют современника. Кроме того, в журналистских материалах отражается тип речевого мышления нашей эпохи.

Первый (верхний) уровень связан с контекстом основных тем, волнующих людей в данное время и потому отраженных в текстах медиа. Это *тематический* контекст. Для узких целей изучения медиадискурсов он может быть обозначен как медийный. Это в чистом виде дискурсный

контекст. Совокупность текстов на одну и ту же тему создает тематический дискурс, который является одной из форм развития медиаречи. Участие в нем прецедентного текста или фразы оформит его еще и стилистически.

До тех пор, пока такой контекст существует в памяти коммуникантов (аудитории) происходит и развитие тематического дискурса. С другой стороны, ориентация медиадискурсов на новизну очень быстро уничтожает достигнутые тематическими дискурсами результаты. Без медиаподдержки забвение наступает быстро. Завершение темы Хоринова в 2011–2012 гг. привело к почти полному забвению этого имени и связанных с ним событий сегодня. Чтобы остаться в памяти необходимо стать не столько медиалицом, сколько субъектом культуры и истории. Медиалица повседневности редко способны выйти на этот уровень. Однако, в целом развитие и социально-исторического, и культурологического контекстов происходит именно благодаря смене картин в тематическом контексте.

Социально-исторический контекст – контекст совокупности объективно развивающихся событий, которые имеют для аудитории (людей) длительные последствия. Вообще говоря, содержание данного понятия вытекает из категории социально-исторического детерминизма, который определяется как «один из основных принципов социологии, выражающий всеобщую взаимосвязь и взаимообусловленность социальных явлений» [3]. Исходным принципом детерминизма является то, что все вещи и события окружающего мира находятся в самых различных связях и отношениях.

Иначе говоря, социально-исторические реалии развиваются независимо от воли человека и представляют собой процесс, в некотором роде напоминающий течение реки, которое не зависит от воли людей, живущих на берегу. Он непосредственно влияет на формирование дискурсов: в частности, военные действия на Украине вызвали к жизни немало дискурсов информационной войны, которые определенным образом повлияли и на остальные внутренние «мирные» дискурсы, в том числе и на институциональные. События, связанные, например, со сменой ректора Бурятского государственного университета, которые приняли вид противостояния коллектива вуза и Министерства образования России (январь-февраль 2015 г.), во многом проистекали на фоне обострившихся международных отношений. В результате общий эмоциональный настрой обеих сторон привел к кризису, который грозил социальным взрывом, в первую очередь, против республиканской власти.

Культурологический контекст – последний тип, которому мы уделим свое внимание. Вообще говоря, культура – «система ценностей, жизненных представлений, образцов поведения, норм, совокупность способов и приемов человеческой деятельности, объективированных в предметных, материальных носителях (средствах труда, знаках) и передаваемых последующим поколениям» [4]. Таким образом, легко видеть, что сам предмет исследования повернут к духовному измерению человека; в некотором смысле он абстрагируется от объективно-

реалистической трактовки социально-исторического измерения жизнедеятельности людей.

Таким образом, если социально-исторический контекст представляет собой совокупность социально-исторических факторов, значимых для темы публикации, то культурологический – ориентируется на контекстную *модель* общественных взаимоотношений, описываемых в публикации. Взаимоотношения этих двух контекстов во многом могут быть охарактеризованы с точки зрения внутреннего и внешнего присутствия. В глобальном смысле любое событие, изменение среды, природы есть текст, отправленный субъекту культуры. Если допустить, что этот текст доставлен получателю в виде чуждого (незнакомого, не зависящего от желаний и стремлений получателя) послания (социально-исторического изменения), то это событие может быть охарактеризовано как внешнее, объективное. Это послание, на которое реагирует человек. Совокупность подобных посланий, отправленных внешними обстоятельствами человеку культуры, и есть социально-исторический контекст. Реакция получателя на такое послание – внутреннее изменение культуры, выработка моделей поведения (дискурсов) на вызов послания (изменение в культурологическом контексте).

Рассмотрим пример. В газете «Номер один» (№ 50 от 23 декабря 2015 г., с. 7) публикация «Хоть вешайся, хоть убегай» построена на обзоре позиций бизнесменов Бурятии и надзорных органов. Материал имеет четырехчастную структуру: эмоциональный заголовок («Хоть вешайся, хоть убегай»), хедлайн («Надзорные органы приняли удар от паникующего бизнеса»), лид («Бизнес Бурятии и надзорные ведомства сошлись в споре о причинах бегства предприятий в другие регионы. Стороны обменялись взаимными упреками и обвинениями. Но компромисса не достигли. Вопросы “кто виноват” и “что делать” по традиции остались без ответа») и корпус с подробным изложением события. Тема бегства бизнеса из региона уже появлялась в региональной журналистике, стала в 2014–2015 гг. проблемной и потому можно говорить о том, что она в определенный момент стала тематическим дискурсом [5, с. 229].

Здесь мы можем отметить, что тематический контекст имеет неоднозначный посыл для получателя (аудитории): уход из Бурятии «Байкалфарма» и последовавших за ним других крупных бизнес-структур сформировал представление о «бегстве» предпринимателей из Бурятии. Однако, последовавшее опровержение, очевидно, происходящее из правительственных кругов, кстати говоря, основанное на статистических данных, несколько нейтрализовало скандальную тему. Таким образом, у региональной аудитории появился выбор в оценке данного феномена: либо верить «паникерам», либо – «проправительственным медиа». Однако, само наличие темы «давления на бизнес» свидетельствует об определенной эмоциональной окраске тематического контекста. Его углубление ведет к проявлению двух уровней рассмотрения проблемы: общероссийского и регионального. Первый – связан с символическими фигурами Ходорковского, Березовского, Гусинского. Их взаимоотношения с обществом, властью, влияние на внутреннюю политику страны

были таковы, что любые конфликтные отношения с налоговыми органами сразу переводили их в политическую плоскость. Информация о судьбах каждого из олигархов является тематическим контекстом, в то время как закономерности, которые привели к подобным конфликтам, являются уже иным типом фоновой информации. Изменившаяся с начала 2000-х гг. внутривластная ситуация привела к неизбежному конфликту олигархических кругов с государственными. События, складывающиеся в общую картину усиления государственной власти в начале 2000-х гг., откладываются в социально-исторический контекст. Региональный, республиканский контекст подобным образом связан практически с единственной медиафигурой Матханова, вынужденного свернуть свой бизнес в Бурятии. Однако в случае с бурятским бизнесменом и политиком уход обусловлен не только и не столько с «давлением на бизнес», но и с рядом иных причин, носящих во многом политический и репутационный характер.

Социально-исторический контекст, как мы уже отмечали, связан с закономерностями, которые проявляются в общественной жизни системно как следствие закономерностей общественного развития. Внутренний ответ общества на эти события и процессы – уже проявление культурологического контекста. В данном случае трудно сказать, насколько данный ответ сформирован на региональном уровне. Культурологический контекст, возможно, еще проявится более выраженно (ведь тематический дискурс еще не завершен), хотя определенная модель развития ситуации все же имеется. И эта модель отличается от общероссийской. В частности, Михаил Матханов в отличие от российских олигархов конца 1990-х – начала 2000-х гг. предпочел избавиться от бизнеса, а не вставать в политическую оппозицию власти, как это сделали Ходорковский или Березовский. Хотя проблемы, возникшие в результате у бурятского бизнесмена, очень напоминали таковые у опальных олигархов:

«Банкротопад-2014»: стремительное пикирование «Байкалфарма»

«Байкал Финанс» представляет вашему вниманию рейтинг наиболее заметных банкротств крупных предприятий Бурятии в 2014 году. Возглавляет печальный список исчезнувших предприятий «Байкалфарм», банкротство которого надо назвать одним из самых неприятных событий для экономики республики в прошлом году

История началась еще в конце 2013 года. Агентство РБК Daily сообщило, что 19 декабря в учредительные документы материнской компании «Байкалфарма» – ООО «Эмис» – внесены изменения, после которых юридический адрес компании переместился из Улан-Удэ в Нальчик. Владелец контрольного пакета (60 %) в «Эмисе» стало кабардинское ООО «Гелиос», зарегистрированное в городе Баксан в ноябре 2013 года. Далее события развивались очень быстро. Уже 23 декабря 2013 года в Арбитражный суд Кабардино-Балкарии поступило заявление о признании ОАО «Байкалфарм» банкротом, а 10 декабря 2014 суд признал акционерное общество банкротом, хотя к этому времени новые владельцы предприятия вроде бы передумали его банкротить.

Напомним, компания «Байкалфарм» основана в 1991 году. Владелец и генеральный директор ОАО «Байкалфарм» – Михаил Матханов. В корпорацию входили: в Республике Бурятия – Улан-Удэнский ликероводочный завод; в Красноярском крае – Канский ЛВЗ и АПГ «Минал», в которую входят Минусинский ликероводочный завод и Знаменский спиртовой завод; в Иркутской области – Тельминский водочный завод.

Корпорация «Байкалфарм» входила в топ-10 отрасли в России, занимала второе место в Сибирском федеральном округе. С 2006 года «Байкалфарм» – в мировом «Клубе миллионеров», производящих свыше 1 *млн дол.* продукции в год. В 2010 году компания произвела более 1,65 *млн дол.* продукции.

Причины столь стремительного пике компании ее владельцы так и не прокомментировали. Впрочем, известно, что в 2013 году у «Байкалфарма» начался конфликт с налоговыми органами. Летом Арбитражный суд Москвы удовлетворил иск ОАО «Байкалфарм» к Межрегиональной инспекции ФНС России по крупнейшим налогоплательщикам № 3 по оспариванию решения налоговой инспекции о взыскании налогов, пени и штрафов. Последняя, как решил суд, безосновательно требовала от «Байкалфарма» доплатить налоговые сборы в сумме свыше 50 *млн р.*, а также штрафов и пени почти на 10 *млн р.*

Единственное более-менее официальное заявление появляется 30 декабря 2014 года. В интервью газете «Номер один» арбитражный управляющий «Байкалфарма» Андрей Безбородов говорит о том, что «банкротство носит преднамеренный характер со стороны прежнего собственника». При этом резко называет все события «обычной уголовщиной, очень распространенной в Российской Федерации, причем несложной для расследования».

Что же касается властей республики, то информация о смене собственника компании доходит до официальных структур Бурятии с опозданием. После следуют безуспешные попытки наладить контакты с новым собственником. Еще спустя какое-то время появляются заявления из серии «ничего страшного не произошло». И, наконец, под занавес прошлого года, когда становится очевидной цифра бюджетного дефицита 2015 года в 3 *млрд р.*, и в правительстве, и в Народном Хурале признают, что ущерб от банкротства «Байкалфарма» более чем заметен – бюджет республики потерял не менее 500 *млн р.* Появляются обещания реанимировать ликероводочное производство, но не совсем понятно как: либо своими силами, либо приглашением московского «Кристалла». Это уже интрига года начавшегося.

Для справки: общая сумма налогов, уплаченных корпорацией «Байкалфарм» в бюджеты всех уровней, составила: в 2010 году – 1 452 903 265 *р.*, в 2011 году – 1 800 195 737 *р.*, в 2012 году – 1 714 090 603 *р.* Сумма уплаченных страховых взносов во внебюджетные фонды составила за 2012 год 58 375 400 *р.* (<http://baikalfinans.com/ekonomika/bankrotpad-2014-stremitelnyiy-konets-baykalfarma.html>)

В публикации ни слова не сказано о возмущении или недовольстве кого-то из клана Матхановых происходящими событиями. И нужно сказать, что и в других публикациях такого мы не обнаружим. Более того, Иринчей Матханов в одном из интервью прокомментировал скандальную ситуацию следующим образом: «Все будет нормально» (<http://www.baikal-daily.ru/news/15/86633/>). Налицо совершенно иная психология и линия поведения. В данном случае можно говорить об изменившемся времени и региональном уровне: сегодня уже мало, кто сомневается в авторитете Владимира Путина и его внутренней политике. В результате никому в голову не приходит оказывать ему сопротивление. Его положение изменилось: теперь он воспринимается как высший судья, к которому можно обращаться за справедливостью. В этом смысле любое выступление против региональной власти на местах – это апеллирование к Путину, к его власти (как это было в феврале 2015 г. в связи с назначением нового ректора БГУ), которая способна решить проблему в пользу ущемляемой стороны. С другой стороны, региональная ситуация в Бурятии всегда достаточно автономна. Чаще всего, все истоки и рычаги решения тех или иных проблем находятся тут же, в Бурятии. Поэтому в данном медиаполе сложилась традиция не выстраивать вертикальных связей при общественном обсуждении тех или иных проблем (если только проблема не касается взаимоотношений федерального центра и регионов). И все же отклик Матханова на проблему «Байкалфарма» во многом носит культурологический характер.

Мы имеем в виду отношение медиаигроков к власти. И Березовский, и современный оппозиционер Ходорковский представляют тип эгоцентрических личностей, которые хорошо адаптировались к либеральной среде и стали органическими носителями ее ценностей. Их столкновение с государственным механизмом Путина – это столкновение не просто личности и государства, а столкновение либеральных западных ценностей (во многом утрированных) с традиционными российскими, имеющими устоявшуюся традицию и берущую начало еще с царских времен. В случае с Матхановым ситуация – в корне иная. Культурологический контекст в данном случае восходит своими корнями в бурятскую и монгольскую традиции. Отношение к власти у восточных народов было специфическим.

Как известно, восточная и западная традиция явили миру две разных по своему характеру личности: западный человек, сосредоточенный на реализации автономного развития, и восточный человек, мыслящий себя органичной частью коллектива и подчиняющий себя ему до основания. Результатом западного развития стали демократии, капитализм и безграничные технические и технологические возможности реализации личности. Восточная модель демонстрирует возможности коллективного развития. Эти различия отразились и на внутреннем (часто бессознательном) отношении человека к власти. Западные демократии основаны на понимании ценности личности, поэтому и концепт «права человека» родился и развивается, в первую очередь, в Европе. Восток же основан на ценности коллектива, который нередко подменяется государством,

что становится основой феномена «восточных тираний». Т. Д. Скрынникова, исследуя власть в монгольском обществе эпохи Чингис-хана, указывает на то, что для правителя было важно быть избранным Небом. В этом случае он считается правителем, обладающим харизмой и сакральностью. Вследствие этого фигура правителя не просто неприкосновенна и благословлена Небом, но и обладает свойствами, которыми обычный человек обладать не может: «Каковы же функции данной сакральной субстанции? Подробное описание можно найти в монгольском сочинении XVII в. – “Алтан товчи”, где рассказывается о попытках убить правителя: “Хагана вытащили из ямы, и когда стали рубить его, то тело его не поддавалось, а меч разлетелся на мелкие куски, падавшие [вокруг]. Когда хагана бросили в воду, он не потонул, остался наверху. Не смогли его убить”. И далее: “Когда он там жил, то среди народа не было ни болезней, не было ни падежа скота, ни гололедицы, ни голода. Жили, не подозревая, что это происходило потому, прислуживающий у них человек и есть Чжингтай-хаган. Когда он спал, то из тела его исходил свет”» [6, с. 104].

Для традиционного мировоззрения подобная трактовка власти, безусловно, была закономерной. Обратим внимание на этический характер властных «полномочий» хагана: правитель одним своим присутствием обеспечивает благоденствие окружающих его людей. Исходя из этого, можно говорить о единстве настоящего правителя и его народа. Он рожден, чтобы нести благо подчиненным, своему народу. Именно эта нерасчлененность коллективного и единичного приводит к тому, что власть по отношению к частному индивиду всегда права. У последнего не возникает потребности отстаивать свои права, поскольку не отделяет себя от коллектива как автономную единицу.

Таким образом, наиболее выпукло культурологический контекст проявляется на уровне медиаагентов, действия которых и формируют медиасобытия. Но это лишь один из аспектов его проявления. Другая сторона этого контекста, которая попадает в исследовательское поле – эмпирический дискурс, формирующийся как практическое речевое поведение медиа [7, с. 33].

Еще один вопрос, возникающий при взаимодействии культурологического и социально-исторического контекстов, связан с особенностью природы социально-культурных и культурологических контекстов. В частности, мы можем рассматривать как социально-исторический контекст совокупность событий, вызванных, например, деятельностью отдельных политических фигур (в частности, правителей тех или иных стран). И тогда отделение одного от другого будет зависеть от функций, которые выполняет контекст для текста.

Обратимся к проблеме социального и культурологического контекстов как ролевых феноменов. Например, в рассмотренной нами публикации, посвященной проблемам «Байкалфарма» и Михаила Матханова, социально-исторический контекст нами определен как совокупность политических и экономических событий, приведших к усилению государства в России, которое столкнуло крупных олигархов (предпринима-

телей) с налоговыми органами. С другой стороны, в этом процессе вряд ли можно переоценить роль Владимира Путина. Он воплотил в себе типичную (в смысле имеющую аналоги в истории нашей страны) модель российского правителя, поставившего себе цель сделать государство сильным и процветающим. Эта модель целиком и полностью должна быть отнесена к культурологическому контексту, однако в тексте публикации о клане Матхановых и банкротстве «Байкалфарма» эта информация играет роль социально-исторического контекста (внешнего), на фоне которого проявляется контекст культурологический – несколько нестандартное поведение бурятского бизнесмена (бизнесменов).

Таким образом, в отделении одного от второго важно место контекста по отношению к основным субъектам действия: внешний контекст есть социально-исторический, внутренний – культурологический. Значит, социально-исторический контекст задает правила игры, которым должен подчиняться дискурс, а культурологический – формирует саму дискурсную игру.

Литература

1. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. / пер. с фр. и португ.; общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю. С. Степанова. – М.: Прогресс, 1999. – С. 12–53.
2. Кузьмина Н. А. Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса // Медиаскоп. – 2011. – № 1 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mediascope.ru/node/755>.
3. Российская социологическая энциклопедия / под ред. Г. В. Осипова. – М.: Норма-Инфра-М, 1999 [Электронный ресурс]. – URL: <http://sociologicheskaya.academic.ru>
4. Волков Ю. Г., Добреньков В. И., Нечипуренко В. Н., Попов А. В. Социология. – М.: Гардарики, 2003. – 512 с. [Электронный ресурс]. – URL: http://society.polbu.ru/volkov_sociology/ch19_i.html.
5. Сибиданов Б. Б. Становление медиадискурса в Бурятии // Вестник Бурят. гос. ун-та. Филология. – 2012. – Вып. 10. – С. 225–233.
6. Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2013. – 384 с.
7. Сибиданов Б. Б. Эмпиризм типов институциональной медиаречи // Культура. Духовность. Общество: материалы междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. С. С. Чернова. – Новосибирск: Изд-во ЦРНС, 2014. – С. 29–35.